

УДК 94(47).05/08:130.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V193

*МАЗАЛОВА Наталия Евгеньевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург). Автор 107 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7586-4506>

«ПЕТЕРБУРГ – САМЫЙ УМЫШЛЕННЫЙ ГОРОД НА СВЕТЕ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ МИФОЛОГИИ

Петербургская мифология отражает восприятие горожанами своего города, его переживание. В статье она рассматривается как реплика «петербургского текста русской литературы». Автор исследует явления, характерные для петербургской мифологии постмодернистского периода: неопределенность, свободное цитирование, фрагментарность, гибридизация, «малая история» и др. Анализируются значения, которые вкладывают петербуржцы в ставшее крылатым выражение Ф.М. Достоевского «Петербург – самый умышленный город на свете». В представлениях о Петербурге проявляется одна из главных особенностей постмодернистского мышления, когда из различных источников – прежде всего литературных, а также исторических, архитектурных – складывается современная петербургская мифология. Именно поэтому для исследования избран структурно-типологический метод – сравнение новых мифологических мотивов с архаическими и литературными. Отмечается, что словосочетание «умышленный Петербург» петербуржцы наделяют как позитивной семантикой (нечто, заранее обдуманное, замысел, план), так и негативной (нечто «предрасудительное», ошибка, преступление). Автор анализирует связь понятия «умышленный город» с основными мифами Петербурга – мифом творения и эсхатологическим, которые неразделимы. Представления об «умышленности Петербурга» также ассоциируются с утопическими идеями – созданием по воле самодержца идеального города из хаоса, на болоте, по правилам регулярного европейского градостроительства. Автор делает вывод о том, что востребованность исследования понятия «умышленный Петербург» в настоящее время определяется следующим: создание и все дальнейшее существование города – потенциал для «умышленного» импульса к развитию не только Петербурга, но и всей страны.

Ключевые слова: *умышленный Петербург, петербургская мифология, постмодернизм, особенности постмодернистского мышления, миф творения, эсхатологический миф, Петр I.*

*Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3; e-mail: mazalova.nataliya@mail.ru

Для цитирования: Мазалова Н.Е. «Петербург – самый умышленный город на свете» в контексте современной петербургской мифологии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 88–96. DOI: 10.37482/2687-1505-V193

Фраза Ф.М. Достоевского «Петербург – самый умышленный город на свете» стала крылатой. Ее используют журналисты, ученые – лингвисты, литературоведы, философы, исследующие разные вопросы, связанные с Петербургом [1–5]. Она стала частью петербургской мифологии, в которой отражается восприятие горожанами своего города, его переживание.

В связи с этим представляет интерес исследование новых явлений, промежуточных между языком и сознанием и характерных для петербургской мифологии постмодернистского периода, к которым относятся неопределенность, свободное цитирование, фрагментарность, гибридизация, «малая история» и др. В восприятии Петербурга нашими современниками проявляется одна из главных особенностей постмодернистского мышления, в соответствии с которой из различных источников – прежде всего литературных, а также исторических, архитектурных – складывается современная петербургская мифология [6, с. 123–124; 7, с. 103–125]. Важно проследить, как литературные мотивы, сюжеты и образы «петербургского текста русской литературы», сами нередко созданные под влиянием мифологии, в свою очередь, повлияли на представления петербуржцев о городе, на современную петербургскую мифологию. О сходных с созданием образа Петербурга процессах формирования мифологического образа Парижа, механизмах воздействия на него книжных источников писал Р. Кайуа: «Существует некое представление о большом городе... представление, созданное из разнообразных книжных материалов, но настолько широко распространенное, что ныне оно составляет часть психологической атмосферы коллектива и потому обладает известной принудительной силой. Здесь уже узнаются черты мифических представлений» [8, с. 122].

Один из самых известных исследователей Петербурга и «петербургского текста русской литературы» – В.Н. Топоров отмечал наличие в произведениях Ф.М. Достоевского архаических мифопоэтических схем космологического содержания [9, с. 193]. Для мифологического

сознания петербуржцев также характерны данные универсальные архаические схемы, что нашло отражение в их размышлениях по поводу фразы Ф.М. Достоевского об «умышленности» города, поэтому для исследования избран структурно-типологический метод – сравнение новых мифологических мотивов с архаическими и литературными.

Фраза Ф.М. Достоевского об умышленности Петербурга известна многим петербуржцам, в оригинале (в «Записках из подполья») она звучит следующим образом: «...в Петербурге, самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре» [10, с. 455]. Большинство петербуржцев помнят только вторую часть фразы, поэтому мы обратились к анализу представлений горожан об умышленности их города. В статье рассматривается, как горожане воспринимают эту фразу Достоевского применительно к современному Петербургу, какие ассоциации она вызывает, как она встраивается в петербургскую мифологию и какие особенности постмодернистского мышления отражаются в представлениях об умышленности города. Полевые исследования проводились в 2018–2019 годах среди петербуржцев разного возраста, в т. ч. студентов, среди которых – приезжие, временно проживающие в Петербурге (более 70 опросов). В основу изучения полевых материалов (ПМ) был положен прагматический анализ, направленный на выявление включенности мифологических представлений в сознание современных горожан и их актуализацию.

Исследователи связывают «умышленность» Петербурга – создание его по воле самодержца и единому плану – с утопическими идеями Нового времени. Так, Л. Лурье пишет: «Действительно, трудно назвать другой большой европейский город, который в такой же степени, как столица Российской империи, возник бы не из потребностей общества, а как воплощенная утопия государства, не считающегося с поданными» [1, с. 6]. Другой автор предлагает гипотезу, в соответствии с которой «архитектурно-ландшафтный феномен Петербурга» соотносится с утопическими концепциями

Платона и Томаса Мора, поскольку «город основан и отчасти спланирован по единоличной воле деспота как символ обожествленной государственной власти» [11].

В мифологических представлениях петербуржцев выражение «умышленный Петербург» имеет разные значения. Отметим, что слово «умышленный» в современном языке употребляется достаточно редко. Согласно представлениям петербуржцев, ему присуща и позитивная, и негативная семантика: позитивная – как заранее обдуманное намерение сделать что-либо, замысел, план; негативная – как нечто «предрассудительное», форма вины. Отметим, что, прежде всего, умысел – это замысел, действие по заранее обдуманному плану. И в определениях горожан «умышленный» – это, в первую очередь, существующий в реальности, но созданный по проекту. Умышленность, по мнению петербуржцев, проявляется в строительстве города по четкому градостроительному плану (пусть и не в полной мере воплощенному), в исторической и экономической целесообразности его создания: «В Санкт-Петербурге квартальная застройка; город заранее предполагался, как портовый, а не естественным путем расположился около воды. Вообще большая часть городов в свое время разрасталась стихийно, а для Петербурга сразу были продуманы какие-то планы и идеи градостроительства. Здесь также большое количество архитектурных сооружений с лепниной и прочими украшениями фасадов – маленькими деталями, которые требуют тщательной работы мастеров, а практической роли не играют – все это, в каком-то смысле, тоже можно уместить в термин “умышленный”» (ПМ). Об умышленности Петербурга как архитектурном замысле пишут и исследователи: «Вместе с тем Петербург – один из самых хорошо спланированных, по выражению Достоевского, “умышленных” городов на свете, обладающий уникальным архитектурным оформлением» [12, с. 324].

Идеи регулярности и порядка в соответствии с принципами регулярного европейского градостроения нашли отражение в градостро-

ительном планировании центра Петербурга: три луча (Невский проспект, Гороховая улица и Вознесенский проспект), направленные к композиционному центру – Адмиралтейству, являлись основой всей планировочной композиции. В Петербурге воплотились мечты Петра I о европейском городе – парадизе с «образцовыми» домами, прямыми улицами и каналами: «Умышленность – строительство по четкому плану, градостроительный баланс, сочетание урбанистики и природных ландшафтов (парки, реки и каналы)» (ПМ).

Синонимом слова «умышленный» выступает «искусственный» в значении ‘не природный, созданный наподобие подлинного’ [13, с. 248]. Петербуржцы придают этому слову значения ‘созданный человеком по подобию природного, подлинного’, ‘связанный с сознательной деятельностью человека’, ‘ненастоящий, неестественный’, ‘ненатуральный, противопоставленный природе’. Некоторые горожане считают, что построенный по строгому плану город «кажется “искусственным”, то есть сделанным из камня, без признаков жизни, природы» (ПМ).

Словосочетание «умышленный город» также обладает семантикой ‘безжизненный’, ‘миражный’, ‘напоминающий театр’. Согласно ПМ, горожанам Петербург представляется мистическим, похожим на театральные декорации. Эти признаки Петербурга – миражность, мистичность, театральность – являются особенностями постмодернистского сознания.

Умышленность – это не только замысел, план, но и мысль: горожане отмечают, что в основу понятия «умышленный» положен признак «мысль / продукт мысли». Так, они считают, что Петербург создан по мысли Петра. Мысль – исходная форма по отношению к замыслу, за которой следует действие, причем действие завершено, доведенное до результата, до совершенного состояния; мысль – не только продукт мышления, но и его результат. Горожане отмечают связь замысла и действия в создании Петербурга: «“Умышленный город” связан с умыслом, намерением обдуманным решением, действием... Санкт-Петербург сначала замыслился

Петром, а затем гениально был спроектирован талантливыми архитекторами-художниками в разное время» (ПМ). Умышленность Петербурга горожане связывают с именем его основателя Петра I, процесс создания города рассматривается как результат его волевого акта; умышленный – созданный волей одного человека, преодолевшего фантастические вымыслы и воплотившего их в жизнь. Таким образом, слово «умысел» одновременно обозначает понятия «мысль», «слово» и «действие»: «Слово в этих условиях выходит за пределы языка, сливается с мыслью и действием, актуализирует свои внеязыковые потенции» [9, с. 194]. В высказываниях петербуржцев об умышленности создания города постоянно подчеркивается действие – одна из важнейших особенностей постмодернистского дискурса [7, с. 122].

Умышленность Петербурга также осмысливается как целесообразность строительства города в соответствии с геополитическими, экономическими условиями и «замышляемым» местом в отечественной и мировой истории. Так, один из горожан выражает согласие с фразой Ф.М. Достоевского именно по этим причинам: «Согласен с выражением Достоевского, поскольку те люди, которые создавали этот город, создавали его с той целью, чтобы становление города во многом определило дальнейшее культурное и экономическое развитие всей страны, что и произошло в дальнейшем, на мой взгляд. Над окном работали зодчие и проектировщики со всего мира. Этот город задумывался как окно в Европу, как средство коммуникации со всем миром. И он действительно сделал Россию по-настоящему открытой и международной... страной» (ПМ).

Трактовки понятия «умышленный город» связаны с главными петербургскими мифами, прежде всего – с этиологическим мифом, или мифом творения. Петербуржцы упорно повторяют миф о строительстве города на болоте, хотя он давно развенчан историками; для многих Петербург – умышленный город именно потому, что он построен на болоте, в непроходимых лесах, и в этом они видят уникальность города.

Петербургский миф творения совпадает с космогоническим по нескольким признакам: город возникает из хаоса (пустоты) – на болоте. Болото – это территория хаоса, роль которого в мифологии рассматривается как «роль лона, в котором зарождается мир, содержание в нем некоей энергии, приводящей к порождению» [14, с. 585]. Строительство северной столицы на болоте – это неотъемлемая часть петербургской мифологии и «петербургского текста русской литературы»: «...Из тьмы лесов, из топи блат...» (А.С. Пушкин. «Медный всадник»).

Для жителей Петербурга характерно заблуждение, что город построен на пустынном, незаселенном месте, и в этом они видят его «умышленность» и «искусственность». Петербург ими определяется как искусственный город, «так как он возник на “пустой” территории болот и лесов» (ПМ). Пустота – важное понятие постмодернистского дискурса, который разрабатывали М. Фуко, Ж. Делез [15, 16]. Уникальность мифологии Петербурга и ее соответствие постмодернистским понятиям заключаются в самой идее создания города на пустом месте, в отсутствии исторических связей. Эти представления также восходят к космогоническому мифу – о возникновении города из пустоты (хаоса). Это – аллюзия на поэму «Медный всадник»: «На берегу пустынных волн / Стоял он, дум великих полн...». В действительности давно известно, что даже на месте сегодняшнего исторического центра было около 40 поселений (например, на месте Адмиралтейства – шведское поселение, в устье Фонтанки – деревня Каллила и др.).

Умышленность, искусственность Петербурга также проявляется в том, что, по мнению петербуржцев, этот город не является поселением, которое медленно и постепенно развивалось на территории «своего» этноса, а строился на территории, принадлежащей другим этносам. Иначе говоря, умышленность – это отсутствие генетической связи с автохтонным населением: «Умышленный – потому что это город, выстроенный по замыслу, без соотношения с прежним населением и прежними

сооружениями, которые обычно присутствуют на месте строительства города» (ПМ). Умышленность также проявляется в различии ментальности пришлого населения и населения автохтонного: «Петербург был создан искусственно по желанию Петра Великого и принудительно заселен людьми со всей России и Европы. Это место не являлось социокультурным или экономическим центром региона, кроме того, он образовался вокруг Петропавловской крепости, которая относилась к территории Шведского государства, так что сама ментальность и пассионарность этого места не была схожа с русской» (ПМ).

Для «петербургского текста русской литературы» характерно сравнение Петербурга с Москвой – как неорганичного искусственного объекта с органичным естественным началом [2, с. 665]. Однако для современных петербуржцев это сравнение не актуально; возможно, это объясняется тем, что Москва перестала быть «естественным» русским городом и превратилась в интернациональный мегаполис. В высказываниях горожан умышленный Петербург обычно противопоставляется некому собирательному «естественному» городу: «“Умышленный город” – город, существующий реально, но возникший когда-то не в виде крошечного поселения и развивавшийся естественно, в соответствии с разнообразными и противоречивыми экономическими и иными интересами множества людей, а созданный по решению власти и застроенный по единому плану» (ПМ).

«Умышленный» также имеет значение ‘противоестественный’: «Умышленность – это неестественное, неорганическое создание города на “чужой” территории, однако со временем умышленность нивелируется» (ПМ). Как известно, территория, принадлежащая другим этносам, в архаическом сознании оценивается как «чужая», расположенная в потустороннем мире.

Умышленность, сводимая к искусственности, противоестественности и эксцентричности города, несомненно, коррелирует с принципами философии постмодернизма.

Вместе с тем в действительности выбор места строительства новой столицы был обусловлен рядом объективных причин: «Возникший по воле самодержца Петербург превратился в самый северный в мире город с многомиллионным населением именно в силу того, что место для него объективно было выбрано очень удачно – и уже возникший город сам организовал свое положение, значительно его улучшив. Возможно, что Петр I интуитивно нащупал точку роста» [5].

В современном русском языке слово «умысел» чаще употребляется в отрицательном значении: «В этом не совсем обычном слове слышна негативная экспрессия (по словарю Даля “умышленник” – то же, что злоумышленник), – поставим рядом слово “умысел” с ближайшим родственным – “замысел”. А ведь именно сам момент чудотворного замысла любили живописать создатели петербургского мифа – и Батюшков в своей прозе, и Пушкин в своей поэме, который в первых строках “Медного Всадника” прямо следовал воображению Батюшкова (“И воображение мое представило мне Петра, который в первый раз обозревал берега дикой Невы, ныне столь прекрасные!”). На эти картины замысла и отвечал Достоевский своим неприязненным словом, в котором замысел деформировался в злоеший умысел» [3, с. 138]. Эту особенность слова «умышленный» в выражении Ф.М. Достоевского отмечают и петербуржцы: «В слове “умышленный” действительно есть некоторый негативный оттенок, ведь обычно умышленно совершают какое-либо преступление либо правонарушение. В этом смысле, когда я говорю об “умышленности” Петербурга, я тоже чувствую некоторый подвох, какую-то маленькую ложь» (ПМ); «Достоевский усматривал в этом “умысле” противоестественность и, следовательно, порочность» (ПМ).

В словаре Брокгауза–Ефрона приводится единственное значение слова «умысел»: «Умысел (*Dolus*), юридич., один из видов виновности, противопоставляется неосторожности. Элементы У[мысла]: сознание совершаемого, предвидение его последствий и воля, направленная к

совершению» [17, с. 737]. Умышленность строительства Петербурга отчасти рассматривается петербуржцами как преступление, как вина в ее широком смысле – не только его создателя, а также самого созданного Петербурга как города, противостоящего человеку, и всей его истории: «Сложно спорить с Федором Михайловичем, но что такое умысел? В уголовном праве это – преступное заведомое деяние человека. Если брать факты истории, судьба нашего города столкнулась с такими деяниями не раз: осуждены деяния 1825 года, народовольцы, социалисты в 1905 году, остается 1917 год. Про наш Санкт-Петербург говорят “колыбель трех революций”, а что бы сказал Ф.М. Достоевский про эти революции? Были ли они умышленны либо нет? Был ли в них преступный умысел? Ведь Достоевский пророчески предупреждал нас в своих произведениях о пагубности умыслов, направленных против Отечества! В настоящий момент Санкт-Петербург больше не является имперской столицей России, сосредоточением денежных потоков страны, и теперь определение Ф.М. Достоевского “умышленный город” намного больше подходит новой столице России – Москве» (ПМ).

В мифологическом сознании петербуржцев понятия «вина» и «преступление» сосуществуют с понятием «катастрофизм». Два основных петербургских мифа – миф творения и миф конца – постоянно соседствуют друг с другом. В умышленности Петербурга – его строительстве в непредназначенном для жизни месте – просматривается связь с эсхатологическими представлениями, в соответствии с которыми город рано или поздно погибнет. Другое высказывание Ф.М. Достоевского продолжает тему умышленности Петербурга, доводя его до логического конца: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь тот гнилой, склизлый город, поднимется с туманом и исчезнет, как дым, и останется прежнее Финское болото, а посреди его, пожалуй,

для красоты, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?» [18, с. 270].

В наши дни в городском социуме функционируют эсхатологические мифы, в которых предсказывается гибель города в результате потопа, погружения на дно моря. С ними связан еще один важнейший петербургский миф – «Петербургу быть пусту». Петербургская мифология и эсхатология были соединены изначально: «История Петербурга мыслится замкнутой; она не что иное, как некий временный прорыв в хаосе» [2, с. 677]. Миф конца определяет главную тему петербургской мифологии. Этот миф подтверждался почти ежегодными наводнениями на протяжении более двух веков. Даже несмотря на построенную дамбу, горожан постоянно беспокоит возможное наводнение: «Читала в газетах, что одной дамбы недостаточно, она может выдержать наводнение только в течение дня. Нужно строить новую дамбу, в истоках Невы» (ПМ).

Петербургжцы размышляют над темой наводнений на протяжении всей жизни: так, сорокалетняя дама рассказывает, что в детстве мама заставляла ее посещать бассейн, т. к. считала, что каждый ленинградец должен уметь плавать, а ребенок решил, что умение плавать необходимо, потому что бывают наводнения (ПМ). Представления о возможном затоплении Петербурга отражаются в видениях современных горожан и их снах. Например, жительнице Петербурга постоянно снится один и тот же сон: «Живу на Капитанской – у нас окна прямо на залив выходят. Так вот, когда еще и в планах не было никакой засыпки залива и порта, мне сны снились неоднократно... как будто какая-то суша на заливе, вдруг... вода начинает подступать к нашим окнам (пятый этаж), все выше и выше... балкон затапливает, стекла трещины дают... у меня дикий ужас... поднимаю глаза и вижу – со стороны Кронштадта идет гигантская волна!»¹. В народной эсхатологии подобные сны являются показателем настроения горожан.

¹Пророчества о Санкт-Петербурге [2011]. URL: https://vk.com/topic-24964879_25680467 (дата обращения: 03.03.2022).

Существует мнение по поводу умышленности Петербурга, когда его создание воспринимается не как гениальный замысел, а как «ошибка», «случайность», «вопреки или на авось». Некоторые горожане противопоставляют понятию «умышленность» «неумышленность»: «Наоборот, считаю Петербург одним из самых “неумышленных” из известных мне городов. Неумышленность для меня – синоним выражения “так получилось”, “нечаянно” и т. д. Именно поэтому Петербург – абсолютно неумышленный город. Все в нем получилось если и не прямо вопреки, то уж во всяком случае “мимо умысла” – точно. Хотя я придерживаюсь точки зрения, что именно вопреки умыслу Петербург – результат ожесточенного сопротивления чего-то вроде “Genius Loci” всем умыслам всех его создателей» (ПМ). По словам других, город строился в расчете на случай, удачу: «Петербург построен на “авось”, могло не получиться, но ведь получилось же. Город был необходим, предсказуем. Он живет, обновляется» (ПМ). Здесь историческая и экономическая необходимость строительства Петербурга связывается с представлениями о неожиданном везении, счастливом случае. Слово «авось» выступает в значении ‘в надежде на ничтожно малый шанс’. Иначе говоря, на авось – в надежде не на себя, свои действия, а исключительно полагаясь на случай, судьбу. По мнению исследовательницы А. Вежбицкой, частица «авось» связана с темой судьбы, неконтролируемости событий в неуправляемом мире – одними из важнейших идейных составляющих русской языковой картины мира [19, с. 76–79]. Высказывания петербуржцев по

поводу создания Петербурга на авось переключаются с утверждениями Н. Карамзина о Петербурге как «блестящей ошибке» и И. Анненского – «проклятой ошибке». И если умышленное создание Петербурга в значении ‘по замыслу, по строгому плану’ характеризует западную ментальность и культуру, встраиваться в которые предполагал Петр I, то строительство северной столицы на авось – русское мышление. Петр I – создатель «умышленного Петербурга» предстает в петербургской мифологии как демиург, а в качестве строителя города на авось – как трикстер; иначе говоря, он проявляется в двух ипостасях культурного героя.

Петербург как «самый умышленный город» в представлениях современных петербуржцев обнаруживает некоторые черты утопии. Это эксцентрический город, возникший из хаоса, в пустом пространстве, на краю страны, вне этнического и исторического контекста. Умышленный – утопический в том смысле, что он строился как идеальный город: «Петербург – утопия, город, по замыслу, идеальный и по воплощению искусственный» [4, с. 45]. Однако если утопия – это нечто несбыточное, то умышленный Петербург – это осуществленная утопия: создание и все дальнейшее существование города – потенциал для «умышленного» импульса развития не только Петербурга, но и всей страны.

Таким образом, анализ понятия «умышленный Петербург» продемонстрировал его связь с петербургскими мифами и возможности его дальнейшего исследования как реплики «петербургского текста русской литературы», а также как части постмодернистского мышления горожан.

Список литературы

1. Лурье Л. Предумышленный город // Лурье Л.Я. Петербург Достоевского. Исторический путеводитель. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. С. 6–35.
2. Топоров В.Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 820 с.
3. Бочаров С.Г. Петербургский пейзаж: камень, вода, человек // Новый мир. 2003. № 10. С. 134–141.
4. Быстров Н.Л., Полякова И.Г. Петербург как утопия: философско-семиотический этюд // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2004. № 29. С. 43–51.

5. Файбусович Э.Л. Тебе спую задушевную песню свою // География. 2003. № 20. URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200302003> (дата обращения: 20.02.2022).
6. Hassan I. The Culture of Postmodernism // Theory Cult. Soc. 1985. Vol. 2, № 3. P. 119–132.
7. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021. 576 с.
8. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.
9. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
10. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 4. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. С. 452–550.
11. Мазур-Матусевич Е. Петербург как азиатский город // Электрон. филос. журн. Vox / Голос. 2013. Вып. 14. С. 1–18. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/219/223> (дата обращения: 25.03.2022).
12. Янгфельдт Б. От варягов до Нобеля. Шведы на берегах Невы. М.: Ломоносовъ, 2010. 392 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 5-е изд., стер. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. 900 с.
14. Топоров В.Н. Хаос первобытный // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М., 1997. Т. 2. К – Я. С. 585–586.
15. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад: АОЗТ «Талисман», 1994. 405 с.
16. Логика смысла / Ж. Делез. *Theatrum philosophicum* / М. Фуко; [к сб. в целом]: пер. с фр. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая кн., 1998. 480 с.
17. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXXIVA (68): Углерод – Усилие. СПб.: Тип. Акц. О-ва Брокгауз–Ефрон, 1902. 960 с.
18. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 8. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 139–692.
19. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996. 412 с.

References

1. Lur'e L. Predumyshlennyy gorod [An Intentional Town]. Lur'e L.Ya. *Peterburg Dostoevskogo. Istoricheskiy putevoditel'* [Dostoevsky's Petersburg: A Historical Guide]. St. Petersburg, 2012, pp. 6–35.
2. Toporov V.N. *Peterburgskiy tekst* [Petersburg Text]. Moscow, 2009. 820 p.
3. Vocharov S.G. Peterburgskiy peyzazh: kamen', voda, chelovek [Petersburg Landscape: Stone, Water, Human]. *Novyy mir*, 2003, no. 10, pp. 134–141.
4. Bystrov N.L., Polyakova I.G. Peterburg kak utopiya: filosofsko-semioticheskiy etyud [St. Petersburg as a Utopia: A Philosophical and Semiotic Study]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 2004, no. 29, pp. 43–51.
5. Faybusovich E.L. Tebe spoyu zadushevnyuyu pesnyu svoyu [I Will Sing My Heartfelt Song to You]. *Geografiya*, 2003, no. 20. Available at: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200302003> (accessed: 20 February 2022).
6. Hassan I. The Culture of Postmodernism. *Theory Cult. Soc.*, 1985, vol. 2, no. 3, pp. 119–132.
7. Harvey D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford, 1989. 378 p. (Russ. ed.: Kharvi D. *Sostoyanie postmoderna: Issledovanie istokov kul'turnykh izmeneniy*. Moscow, 2021. 576 p.).
8. Caillois R. *Le Mythe et l'Homme*. Paris, 1994. 188 p. (Russ. ed.: Kayua R. *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe*. Moscow, 2003. 296 p.).
9. Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research into the Poetics of Myth]. Moscow, 1995. 624 p.
10. Dostoevsky F.M. *Zapiski iz podpol'ya* [Notes from Underground]. Dostoevsky F.M. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Leningrad, 1989, pp. 452–550.
11. Mazur-Matusevich E. Peterburg kak aziatskiy gorod [St. Petersburg as an Asian City]. *Elektronnyy filosofskiy zhurnal. Vox / Golos*, 2013, no. 14, pp. 1–18. Available at: <https://vox-journal.org/html/issues/219/223> (accessed: 25 March 2022).
12. Jangfeldt B. *Ot varyagov do Nobelya. Shvedy na beregakh Nevy* [From Varangians to Nobel: Swedes on the Banks of the Neva River]. Moscow, 2010. 392 p.

13. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1963. 900 p.
14. Toporov V.N. Khaos pervobytnyy [Primordial Chaos]. Tokarev S.A. (ed.). *Mify narodov mira* [Myths of the World]. Moscow, 1997. Vol. 2. К – Ya, pp. 585–586.
15. Foucault M. *Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris, 1966, 405 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg, 1994. 405 p.).
16. Deleuze G. *Logika smysla* [The Logic of Sense]. Foucault M. *Theatrum philosophicum*. Moscow, 1998. 480 p.
17. Brokgauz F.A., Efron I.A. *Entsiklopedicheskiy slovar'. T. XXXIVA (68). Ugl'erod – Usilie* [Encyclopaedic Dictionary. Vol. XXXIVA (68). Nitrogen – Effort]. St. Petersburg, 1902. 960 p.
18. Dostoevsky F.M. Podrostok [The Adolescent]. Dostoevsky F.M. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 8. Leningrad, 1990, pp. 139–692.
19. Wierzbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996. 412 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V193

Nataliya E. Mazalova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences;
Universitetskaya nab. 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7586-4506> e-mail: mazalova.nataliya@mail.ru

“PETERSBURG IS THE MOST INTENTIONAL TOWN IN THE WORLD” IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY PETERSBURG MYTHOLOGY

Petersburg mythology reflects the perception of the city by its residents and their experience of it. This article considers Petersburg mythology as a replica of the “Petersburg text of Russian literature”. The author examines the phenomena characteristic of contemporary Petersburg mythology of the postmodern period: indeterminacy, free quotation, fragmentation, hybridization, “little history”, etc. Further, the paper analyses the meanings that St. Petersburg dwellers attach to Fyodor Dostoevsky’s famous expression “Petersburg is the most intentional town in the world”. One of the main features of postmodern thinking is manifested in the ideas about St. Petersburg, when various sources – first of all, literary, but also historical and architectural – make up contemporary Petersburg mythology. For this reason, the author chose the structural-typological method: comparing new mythological motifs with archaic and literary ones. St. Petersburg dwellers assign both positive (something thought out beforehand, an idea, a plan) and negative (something impetuous, a mistake, a crime) meanings to the phrase “intentional Petersburg”. The author analyses the relationship between the concept of intentional town and the main myths of St. Petersburg: the creation myth and the eschatological myth, which are inseparable. Ideas about the intentionality of St. Petersburg are also associated with utopian ideas: creation at the will of an autocrat of an ideal city out of chaos, on swamp, but according to the rules of regular European urban planning. The author concludes that studying the concept of “intentional Petersburg” is relevant at present due to the following: the city’s creation and subsequent existence serve as a potential for an “intentional” impulse for the development of not only St. Petersburg, but of Russia as a whole.

Keywords: *intentional Petersburg, Petersburg mythology, postmodernism, features of postmodern thinking, creation myth, eschatological myth, Peter I.*

Поступила 16.03.2022
Принята 15.06.2022
Опубликована 03.10.2022

Received 16 March 2022
Accepted 15 June 2022
Published 3 October 2022

For citation: Mazalova N.E. “Petersburg Is the Most Intentional Town in the World” in the Context of Contemporary Petersburg Mythology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 88–96. DOI: 10.37482/2687-1505-V193